

**R.I. Ishmukhamedova
Historical Experience
of Post-Reform Russia
Educational Policy Realization
among Tatar Population
(based on the materials
of the Saratov Province)**

On the basis of the analysis of "Regulations on Measures to Educate Foreigners Living in Russia" the major directions of the school policy of the government of Alexander II in relation to Muslim (Tatar) population are revealed. Features of this policy in the Saratov Province are considered. The analysis points to the contradictions and limitations of this policy.

Key words and word-combinations: post-reform period, the education of Muslim Tatars, Saratov Region, education policy.

На основе анализа «Правил о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» раскрываются основные направления школьной политики правительства Александра II по отношению к мусульманскому (татарскому) населению. Рассматриваются особенности проведения образовательной политики в Саратовской губернии. Указывается на противоречивость и ограниченность результатов этой политики.

Ключевые слова и словосочетания: пореформенный период, образование татар-мусульман, Саратовская губерния, образовательная политика.

УДК 37.05+908
ББК 74.03+26.891

Р.И. Ишмухамедова

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ
РЕАЛИЗАЦИИ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ
ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ
СРЕДИ ТАТАРСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛАХ
САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Традиции школьного образования у татар Поволжья и Приуралья имеют глубокие исторические корни [1; 2]. Основным институтом обучения и воспитания подрастающего поколения являлись конфессиональные школы при мусульманской мечети – мектебэ (начальная школа) и медресэ (средняя и высшая школы). Проведенные правительством Екатерины II в последней трети XVIII в. мероприятия по либерализации этноконфессиональной политики позволили татарскому социуму в течение короткого времени создать разветвленную сеть мечетей и религиозных школ при них. К середине XIX в. фактически в каждой татарской деревне существовала хотя бы одна школа, полностью содержащаяся на средства махалли (общины).

Однако к тому времени обнаружилось, что мектебе, ориентированный исключительно на изучение Корана и арабской письменности, причем методом заучивания слогов и текстов, явно не отвечает потребностям социума, все более решительно втягивающегося в хозяйственно-экономическую жизнь и нуждающегося в положительных знаниях и практических навыках. В татарском обществе появились деятели (Г. Курсави, Ш. Марджани, Х. Фаизха-

нов, К. Насыйри и др.), которые стали строить планы реформирования мусульманской школы. Отдельные представители формирующейся национальной торгово-промышленной буржуазии выражали сочувствие этим планам.

Отмена крепостного права и другие либеральные реформы Александра II создали благоприятные условия для осуществления указанных планов. Российское правительство также искало пути и способы вовлечения татар и прочих «инородцев» в происходящие в стране обновленческие процессы. Одним из заметных «плодов» таких поисков стали утвержденные этим императором 26 марта 1870 г. «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» (далее – «Правила...») [3].

Данный документ неоднократно становился предметом внимания и анализа в литературе [4; 5], что закономерно, ибо «Правила...» исключительно важны для понимания сути школьной политики царизма в отношении российских инородцев. Обращение автора статьи к документу диктуется двумя обстоятельствами: желанием выработать собственное понимание его сути и значения; стремлением выявить особенности, извлечь уроки практической реализации заложенных в нем положений в Саратовской губернии.

В губернии к 1860 г. согласно «Спискам населенных мест Российской империи, составленным и изданным центральным статистическим комитетом МВД», существовало 67 татарских деревень. Численность населения составляла 55 тыс. душ. Абсолютное большинство (74,6%) проживало в северных – Кузнецком и Хвалынском – уездах губернии. Было зарегистрировано 126 мечетей и 13 мектебе [6].

Пореформенный период стал временем ускоренного развития татарского народа как в росте численности, так и в культурно-образовательном отношении. По данным Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., татарское население Саратовской губернии составляло 94,6 тыс. человек [7, с. 156]. Так, к 1894 г. число мусульманских школ в губернии увеличилось в 8 раз, достигнув 108. В них обучалось 6070 учащихся (мальчиков) [8, с. 58].

Рассматриваемые «Правила...» подразделяли нерусские народы Империи на две группы «инородцев»: христиан и мусульман. Пути обучения каждой из них отличались, хотя цель была одна – обрусение и «слияние с русским народом» [9, с. 53]. Обучение крещеных татар, чувашей, марийцев, удмуртов, мордвы полностью основывалось на системе Ильминского, для их «утверждения в православной вере и ознакомления с русским языком» предусматривалось учреждение четырехлетних школ с первоначальным преподаванием «на инородческих наречиях» [9, с. 55–57]. В пункте «б» данного документа татары-магометане (очевидно, к этой категории документ относил все тюркоязычные «племена», находившиеся под попечительством Оренбургского Духовного собрания: башкир, казахов и собственно татар) характеризовались как «племя, фанатизируемое многочисленным духовенством, богатое мечетями и магометанскими школами и крепкое в своей вере» [3, с. 15], из чего следовал вывод, что «обрусение» татар-мусульман может вестись лишь путем распространения русского языка и образования. При этом указывалось на необходимость избегать применения мер, которые могли бы породить у этого

населения опасения в посягательстве правительства «на отклонение детей от их веры». Как видно, правительство проявляло в деле «обрусения» татар необходимые умеренность и осторожность.

«Правила...» в целях распространения русского языка предусматривали использование следующих мер: 1) учреждения за счет казны в местностях со сплошным татарским населением начальных сельских и городских училищ; 2) облегчения детям татар-мусульман поступления в общие начальные народные училища; 3) настраивания местных магометанских обществ «учреждению на собственные средства классов русского языка при мектебе и медресе...» [3, с. 15]. Указывалось также на необходимость вовлечения в создаваемую систему девочек-мусульманок.

Как видим, в «Правилах...» 1870 г. были заложены некоторые прогрессивные буржуазные тенденции и идеи. Власти, заинтересованные в быстрейшем освоении природных богатств, стремились приобщить тюркские народы к общероссийским интересам. Средство для достижения этой цели они видели в распространении среди местного населения русской грамотности и русского языка. Учителями в русских классах могли быть как татары, так и русские, владеющие татарским языком. Планировалось издание учебников и учебных пособий для учащихся на их разговорном языке русскими буквами.

Положительным моментом являлось также содержащееся в «Правилах...» положение о создании при уездных училищах и гимназиях «подготовительных классов» для детей татар-мусульман с целью «подготовки их к поступлению в первый класс сих заведений» [3, с. 15]. К сожалению, в Казанском учебном округе «подготовительные» классы для татар не были организованы, поскольку «не возникло потребности» [10, с. 50]. В 1887 г. Министерство народного просвещения отменило эту льготу для мусульман. Причинами серьезных препятствий при реализации школьной реформы являлись следующие: почти поголовное незнание татарами русского языка; отсутствие учителей-татар со знанием русского языка; тяжелое материальное положение большинства татарского крестьянства. Правительство пыталось решить проблему распространения русского образования среди инородцев-мусульман, игнорируя факт наличия указанных препятствий и не имея четкой программы их преодоления.

Надзор за училищами татар-магометан, как и за русскими классами при мектебе и медресе, возлагался на инспекторов начальных народных училищ. В 1871 г. в Казанском учебном округе (КУО) была учреждена инспекция башкирских, киргизских (казахских) и татарских школ. В ее компетенцию входило: открытие «путем убеждения» для мусульман школ нового типа, общее руководство и наблюдение за ними, просмотр существующих и составление плана для издания новых книг, необходимых для преподавания в этих учебных заведениях [11]. В КУО на должность инспектора был определен известный тюрколог В.В. Радлов, приступивший к новым обязанностям в 1872 г. [10, с. 501].

Однако инспектор не располагал необходимыми административными полномочиями и финансовыми ресурсами. Распространение русской грамоты и

русского языка среди татарского населения продвигалось крайне медленно. В 1874 г. правительство решило передать надзор за учреждениями образования татар-мусульман из ведения МВД в Министерство народного просвещения. Из Казанского учебного округа был выделен Оренбургский учебный округ, которому передавались Пермская, Оренбургская, Уфимская губернии, Уральская и Тургайская области. В составе КУО осталось шесть губерний: Астраханская, Вятская, Казанская, Самарская, Саратовская и Симбирская.

Инспекция башкирских, киргизских (казахских) и татарских школ КУО попыталась активизировать работу по открытию русско-татарских начальных училищ и русских классов при медресе. В губернии был разослан составленный В.В. Радловым проект Инструкции инспекторам инородческих школ [12, л. 7–19 об.]. Одновременно были испрошены сведения о количестве училищ для нерусского населения. Согласно составленному в канцелярии губернатора документу в Саратовской губернии в это время функционировали 19 магометанских училищ с 1,5 тыс. учащихся [12, л. 5–6]. Очевидно, данные были не точные. Так, в самом густонаселенном татарами Хвалынском уезде были зафиксированы лишь три училища в двух деревнях – Зимницах и Бахтеевке. Между тем в этом уезде насчитывалось 25 татарских деревень, среди них такие крупные, как Старая Кулатка, Атлаш, Мостяк, Верхняя, Средняя и Новая Терешки. В каждой из них имелись не менее 4–5 махалля с мечетями и по 2–3 мектебе.

Как бы то ни было, со второй половины 1870-х годов внимание к проблеме образования татарского населения со стороны правительственных органов и земских учреждений возросло. Земствами стали предприниматься попытки к открытию начальных русско-татарских школ в крупных татарских деревнях. Из Отчета о состоянии народных училищ в г. Хвалынске и его уезде, представленного уездному земскому собранию, следовало, что в 1876 г. состоялось решение об открытии такой школы в деревне Мостяк. Был назначен учитель – некто по фамилии Боголюбов, определена смета на содержание (130 руб. от сельского общества и 100 руб. от земства) [13]. Однако в графе «число учащихся» значилось «0». Очевидно, желающих учиться в этой школе не нашлось, и школа так и не начала работать. Земская русско-татарская школа в Мостяке была открыта лишь в 1914 г. [14, с. 94].

Столь же мало результативными были усилия, направленные на открытие русских классов в конфессиональных училищах. Хотя «Правила...» и содержали требование «не допускать открытия новых мектебе и медресе иначе как с обязательством иметь при них учителей русского языка на счет магометанских обществ» [3, с. 16], однако добиться повсеместного выполнения этого требования не удавалось. В абсолютном большинстве случаев новые мектебе и медресе открывались без преподавания русского языка. Поэтому к 1895 г. во всем огромном Казанском учебном округе было открыто всего лишь 11 русско-татарских школ и 10 русских классов при медресе [10, с. 504]. Их абсолютное большинство располагалось в Казанской губернии. Обнаружить сведения о наличии таких учебных заведений в Саратовской губернии не удалось.

Одной из главных причин отсутствия прогресса образовательной реформы являлась острая нехватка учителей из коренного населения. Решению данной проблемы призвано было служить открытие в 1872–1876 гг. в Симферополе, Уфе и Казани татарских учительских школ. В Казани такая школа была открыта по инициативе В.В. Радлова в 1876 г. Казанская татарская учительская школа (КТУШ) с контингентом 40 штатных воспитанников (содержащихся за счет казны) стала «главной кузницей» педагогических кадров для нового типа правительственных и земских школ [10, с. 505]. Число учащихся в этой школе постепенно росло, в том числе за счет «своекоштных», «вольноприходящих», а также стипендиатов земств (в 1876 г. – 1, в 1901 – 5, в 1903 – 10) [10, с. 50]. Учиться в КТУШ поступали молодые татары не только из Казанской, но и соседних губерний: Вятской, Самарской, Саратовской, Астраханской.

Низкая результативность деятельности правительственных и земских учреждений в области просвещения татар-мусульман объяснялась, по нашему мнению, двумя группами причин. Первая из них затрагивает рассмотренную программу по открытию нового типа правительственных школ. Правительство в этом вопросе действовало крайне нерешительно и непоследовательно, словно нехотя. Даже проведение такой легко осуществимой меры, как ценз грамотности «по-русски» для вновь назначенных имамов, было растянуто на несколько лет. Открытие русских классов в мектебе и медресе было предоставлено доброй воле имамов, что чаще всего трактовалось ими как возможность избежать этой меры, которая могла доставить им дополнительные хлопоты. К тому же «Правила...» материальное содержание учителя русского языка всецело возлагали на мусульманскую общину. Вторая группа причин касалась политики в отношении существующих мусульманских школ. Вплоть до 70–80-х гг. XIX в. правительство фактически не замечало их существования. Тем более не могло быть и речи о том, чтобы вникнуть в их дела, проблемы, помогать в решении последних. В упомянутом проекте «Инструкции...» инспекторам вменялось в обязанность лишь *наблюдать* за всеми находящимися в учебном округе инородческими школами и училищами башкир, киргизов и татар. На них возлагалось выполнение в основном административных функций: 1) следить за тем, чтобы новые училища могли быть открываемы «не иначе... как с разрешения учебного начальства Министерства народного просвещения» [12, Л. 9 об.]; 2) добиваться того, чтобы в училищах употреблялись «...только печатные учебники и руководства, причем для преподавания магометанского вероучения допускаются лишь одобренные цензурой, а по другим предметам – одобренные сверх того учебным начальством»; 3) выдача свидетельств на звание мудариса (учителя) в медресе и мектебе «с соблюдением следующих условий: до 1 января 1880 г. от лиц, ищущих сего звания, требуется практическое знание ими русского языка; с 1 января 1880 г. удовлетворительное знание полного курса русских классов при медресе» [12, л. 9]. Кроме того, инспектор наблюдал за тем, чтобы «...во всех инородческих школах были введены: а) в мектебе именные

списки учеников; б) в медресе – книги о живущих в медресе шакирдах» и именные списки всех учеников. Инспектор также требовал от заведующих медресе и мектебе представления ежегодно «точных статистических сведений о личном составе их заведений» [12, л. 9 об.].

Как мы видим, влияние учебного начальства на систему мусульманского образования было минимальным, а в значительной степени – формальным. Функции инспекторов сводились к тому, чтобы «наблюдать» и «обозревать» подчиненные им училища. При этом они преследовали исключительно две цели: во-первых, внедрять русский язык и, во-вторых, не допускать в преподавании «...толкований, противных верноподданнической преданности Государю Императору и всему Августейшему Дому, любви к отечеству – России и возбуждающих неприязнь против христианского населения» [12, л. 17 об.]. Никакой речи о том, чтобы модернизировать систему школьного образования инородцев-мусульман, оказать этой системе государственную материальную и финансовую поддержку, не велось. Правительство, очевидно, вполне устраивало положение, когда татарское население на свои скудные средства содержало конфессиональную школу, не дававшую молодому поколению никаких полезных светских знаний. Более того, оно (правительство) всячески поощряло сохранение сугубо религиозного характера этой школы. Согласно инструкции, инспектор должен был наблюдать, чтобы преподавание магометанского вероучения «велось *догматически*» [12, л. 10 об.].

Необходимо также отметить, что введение в действие рассматриваемой весьма умеренной «Инструкции...» неоднократно откладывалось. Так, в 1882 г. было признано «более полезным не издавать проектируемую инструкцию, а пока предложить попечителям округов, чтобы они... поручили подлежащим органам учебного ведомства приступить к фактическому наблюдению за означенными школами» [12, л. 12]. Предлагалось «с должною осторожностью посещать эти школы, вникать в их обстановку и устройство, собирать о них статистические данные, давать, где можно, словесные советы, не предъявляя никаких обязательных требований, и об осмотре школ, по мере осмотра составлять отчеты, представляя оные попечителю для сообщения копий с них министру Народного просвещения» [3, с. 20]. В целом все сводилось к обычной практике бюрократического бумаготворчества: сбор сведений, необязательные советы, составление отчетов... И все это под благовидным предлогом «осторожного и мягкого обращения» с «фанатичным» мусульманским населением. В действительности речь шла о нежелании царского правительства всерьез заняться просвещением татарского населения.

Таким образом, деятельность царских правительств, проводимая в пореформенный период с целью повышения образовательного и общекультурного уровня инородческого населения Империи, наталкивалась на серьезные препятствия: мешали как религиозно-этнические предрассудки татарского населения, так и отсутствие у власти продуманной, целостной программы, учитывающей национально-культурные особенности этого населения; поэтому результаты этой деятельности были крайне ограниченными.

Библиографический список

1. *Амирханов Р.У.* Система конфессионального образования у татар // Ислам в Среднем Поволжье: история и современность: очерки. Казань, 2002.
2. *Валидов Дж.* Очерки истории образованности и литературы татар. Казань, 1998.
3. Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев. Выс. утв. 26 марта 1870 г. // Иностранческие и иноверческие училища. СПб., 1903.
4. *Амирханов Р.У.* Татарское просвещение в зеркале истории (дооктябрьский период) // Ислам в Среднем Поволжье: история и современность: очерки. Казань, 2001. URL: <http://www.tataroved.ru/institut/novhist/publ/1/>
5. *Днепров Э.Д.* Самодержавие и народное образование в пореформенной России // Школа и педагогическая мысль России периода двух буржуазно-демократических революций. М., 1984.
6. Списки населенных мест, составленные и издаваемые центральным статистическим комитетом МВД. СПб., 1862.
7. Татары / отв. ред. Р.К. Уразманова, С.В. Чешко. М., 2001.
8. *Рашитов Ф.А., Ишмухамедова Р.И.* Школьное образование у татар Саратовской губернии в пореформенный период (конец XIX – начало XX вв.) // Татары саратовского Поволжья: история и современность: сб. статей. Казань, 2009.
9. Журнал Министерства народного просвещения / Офиц. изд. М-ва народ. просвещения. 1870. № 3/4.
10. История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. VI: Формирование татарской нации: XIX – начало XX в. Казань, 2013.
11. Национальный Архив Республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 1. Д. 21858. Л. 4.
12. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2413.
13. Отчет о состоянии народных училищ в г. Хвалынске и его уезде. Саратов, 1878.
14. *Рашитов Ф.А.* Мостяк (1713–2013): Страницы истории татарского села. Саратов, 2013.